

УДК 343.222.1

DOI <https://doi.org/10.17308/vsu.proc.law.2020.2/2814>

**ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ
КАК ЭЛЕМЕНТ УМЫСЛА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ:
ТРУДНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ ВИНЫ**

А. Г. Иванов

Дальневосточный юридический институт МВД России

Поступила в редакцию 17 марта 2020 г.

Аннотация: автор обращается к формулировке умышленной формы вины, имеющейся в уголовном законодательстве России, акцентируя внимание на понятии «общественная опасность», о содержании которого наука не имеет единого представления. Но при этом законодательная формула умысла стоит на позиции обязательного наличия в сознании лица, осуществляющего преступное поведение, той сущности реальной действительности, которая обозначена этими понятиями. По итогу проведенного анализа обозначенной проблематики предложены редакционные изменения в норму Уголовного кодекса РФ, определяющую умысел как форму вины.

Ключевые слова: вина, умысел, противоправность, вред, сознание, предвидение, общественная опасность, последствия.

Abstract: the author refers to the formulation of the intentional form of guilt available in the criminal legislation of Russia, focusing on the concept of "social danger", the content of which science has no single idea. But at the same time the legislative formula of intent is on the position of mandatory presence in the consciousness of the person engaged in criminal behavior, the essence of reality, which is indicated by these concepts. As a result of the analysis of the identified problems proposed editorial changes in the criminal code of the Russian Federation, which defines intent as a form of guilt.

Key words: guilt, intent, wrongfulness, harm, consciousness, foresight, social danger, aftermath.

Умысел, как одна из форм вины в уголовном праве, уже неоднократно становился объектом научных изысканий, что, возможно, и послужило формированию убежденности о его достойном и всестороннем изучении. Однако отсутствие единого мнения в научном сообществе о реализации данной уголовно-правовой категории в преступлении и применении используемых законодателем в его определении понятий не позволяет с уверенностью заявить об отсутствии в настоящее время проблем установления вины лица, совершившего запрещенные уголовным законом деяния. Обозначенную проблему, без сомнения, можно отнести к числу «нестареющих», а неутраченные споры по вопросу определения сущности осознания и предвидения как элементов формулы умышленной вины позволяют в очередной раз обратиться к указанной теме. Более того, проблематика, о которой пойдет речь в настоящей статье, не способствует

эффективной реализации принципа вины, предопределяет неточности и ошибки квалификации преступления и, в определенной степени, выступает фактором формирования субъективной ошибки.

Согласно уголовно-правовой формуле умысла для признания лица виновным в совершении умышленного преступления необходимо установить, помимо его волевого содержания (желание или нежелание), обязательное наличие интеллектуального элемента умысла (осознание и предвидение), который полностью завязан на такой правовой категории, как «общественная опасность». Именно на эффективность и целесообразность использования законодателем указанной правовой категории в институте вины хотелось бы обратить внимание.

Термин «общественная опасность» уже не одно десятилетие используется законодателем в конструкции умышленной формы вины, однако это обстоятельство не свидетельствует о его безупречной «работе» по установлению вины, что собственно подтверждается неутраченной научной дискуссией, в которой стороны не обнаруживают склонности к компромиссам.

В теории уголовного права еще с советских времен устоялось понимание общественной опасности как основного свойства преступления, заключающегося в том, что «оно или непосредственно наносит вред общественным отношениям, или заключает в себе возможность причинения соответствующего ущерба»¹.

Подобного взгляда придерживаются и некоторые ученые современности, считая, что она выражается в причинении либо создании угрозы причинения ущерба охраняемым УК интересам².

Не взирая на то обстоятельство, что проблема понимания и использования понятия «общественная опасность» в описании умышленной формы вины подверглась всестороннему и тщательному изучению в ряде научных работ, создается впечатление, что разногласия в ее трактовке не только не устранены, но и продолжают углубляться. Еще в начале 90-х гг. прошлого столетия на данное обстоятельство обратил внимание А. И. Марцев, заметивший, что «мы до сих пор не имеем единого понимания общественной опасности»³. Высказанная мысль не потеряла свою актуальность и на сегодняшний день.

Согласно действующему уголовному законодательству общественная опасность, один из ключевых моментов интеллектуального содержания умысла. И это обстоятельство наталкивает на размышление о том, что же должно быть охвачено рамками осознания виновным лицом при использовании в конструкции умышленной формы вины термина «общественная опасность»? И что устанавливать правоприменителю, если в науке

---

¹ Пионтковский А. А. Курс советского уголовного права. М., 1970. Т. 2. С. 132.

² См.: Полный курс уголовного права. Т. 1 : Преступление и наказание / под ред. А. И. Коробеева. СПб., 2008. С. 260.

³ Марцев А. И. Диалектика и вопросы теории уголовного права. Красноярск, 1990. С. 28.

нет единого понимания ее сущности, а нормативное определение отсутствует?

При этом лица, осужденные за совершение преступления, в подавляющем большинстве вообще не имеют ни малейшего представления об общественной опасности. Этот факт подтверждается проведенным анкетированием осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях ДФО. Из всех опрошенных респондентов 49,7 % никогда не сталкивались с понятием «общественная опасность», а 24,5 % хотя и сталкивались с данным понятием, но смутно представляют его сущность.

Отсутствие в науке уголовного права единого подхода к пониманию общественной опасности и соответственно четкого представления данной уголовно-правовой категории правоприменителем неизбежно привело к не менее актуальному вопросу о необходимости присутствия данной категории в конструкции уголовно-правовой нормы, регламентирующей умышленную форму вины. Как представляется, законодательное положение, устанавливающее умышленную форму вины, нуждается в глубоко осмысленной, научно обоснованной корректировке, с учетом психологических процессов, реально отображаемых в сознании лица при совершении преступления.

В отношении законодательного требования об обязательном осознании субъектом преступления общественной опасности деяния весьма емко, лаконично и в то же время совершенно справедливо высказался В. В. Лунеев: «Полагать, что субъект при совершении преступления задумывается над общественной опасностью своего деяния, значит впасть в уголовно-правовую иллюзию, которая держится на идеализации социально-правовой действительности и высокого правосознания наших граждан»⁴.

Напротив, С. В. Дубовиченко, не соглашаясь с позицией В. В. Лунеева, убежден в необходимости сохранения в Уголовном кодексе РФ понятия «общественной опасности» не только в качестве признака преступления, но и в виде обязательного обстоятельства, осознаваемого в рамках вины⁵.

В свое время П. С. Дагель полагал, что сознание общественно опасного характера деяния складывается из сознания фактического его характера и сознания его социального значения. Последнее, по его мнению, все же производно от сознания фактической стороны содеянного. В итоге ученый приходит к выводу, что сознание общественной опасности сводится к сознанию социальных свойств фактических признаков деяния⁶. Сознание противоправности, как полагал П. С. Дагель, является лишь факультативным признаком, который может свидетельствовать о созна-

---

⁴ Лунеев В. В. Субъективное вменение. М., 2000. С. 34–35.

⁵ См.: Дубовиченко С. В. Интеллектуальные моменты умышленной формы вины : дис. ... канд. юрид. наук. Тольятти, 2007. С. 74–75.

⁶ См.: Дагель П. С., Котов Д. П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974. С. 85.

нии общественной опасности⁷. Данная позиция с теми или иными вариациями повторяется во многих других источниках, в том числе и учебной литературе.

Позиция, при которой осознание одной категории, в нашем случае противоправности, априори влечет обязательное осознание других категорий, представляется не совсем правильной, так как индивидуальность сознания и заключается в том, что оно не может работать по едино установленной формуле. Учитывая, что далеко не все лица, совершающие уголовно запрещенные деяния, обладают высоким интеллектом, то, вероятнее всего, не стоит ожидать от них осознания общественной опасности их поступка. Именно здесь, как представляется, уместнее всего говорить о противоправности.

Однако в современной доктрине уголовного права имеются противники использования категории «противоправность» в конструкции умышленной вины, полагая, что данная категория субъективистская, конъюнктурная, политически ангажированная, а при ее обоснованности является оценкой законодателя, объективно существующего свойства деяния – общественной опасности⁸. Тем самым подчеркивается, что противоправность выступает как оценка, данная законодателем, одного из свойств деяния – общественной опасности. С этим утверждением следует согласиться лишь в отдельном его аспекте.

Действительно, противоправность может выступать в качестве оценки законодателя свойств деяния и в качестве оценки правоприменителя, совершенных лицом действий (бездействия), но в этом случае нельзя забывать о сфере действия законодательства, в рамках которого происходит оценка. В рассматриваемом контексте эта оценка ограничена рамками уголовного закона, и поэтому категория противоправности сводится к преступлению, т. е. происходит оценка преступности деяния, что приводит к сужению сущности правовой категории «противоправность». Поэтому сводить понимание противоправности в исследуемом контексте только лишь к оценке свойств деяний лица, данной законодателем либо правоприменителем, представляется не совсем верным решением, так как ведет к необоснованному исключению субъективного элемента вины лица, совершившего преступление. В рамках исследуемого вопроса, противоправность следует рассматривать еще и как оценку своих деяний лицом, их совершившим, причем рассматривать необходимо как оценку своих действий по отношению к праву в целом, т. е. нарушающих какие-либо установленные правила. Представляется абсолютно неверным сужать в формуле умысла осознание виновного до нарушения правил, установленных уголовным законом. В этом случае для установления вины презюмируется обязательное знание норм УК РФ лицами, совершившими преступление, что абсолютно нереализуемо в действительности.

---

⁷ См.: Дагель П. С., Котов Д. П. Указ. соч. С. 87.

⁸ См.: Дубовиченко С. В. Указ. соч. С. 76.

сти, так как даже не все юристы могут похвастаться совершенным знанием уголовного законодательства.

В связи с этим предложение В. В. Лунеева о введении в формулу вины признака сознания уголовной противоправности деяния⁹ представляется верным, но требует некоторых уточнений. Как уже говорилось выше, уголовная противоправность – это не что иное, как преступление. Поэтому осознание противоправности в конструкции умышленной формы вины видится более правильным без привязки к уголовно-правовой направленности, т. е. из предложенного ученым термина необходимо исключить слово «уголовной».

Представленная в российской уголовно-правовой доктрине сущность общественной опасности, в границах которой находит свое отражение и противоправность, представляет определенную сложность именно для ее отражения в сознании виновного лица, что в свою очередь ставит под сомнение неукоснительное соблюдение принципа вины или виновного вменения.

Подтверждая сказанное, хотелось бы обратиться к работе С. В. Векленко, в которой ученый в числе основных недостатков законодательного определения умышленной вины отмечает нечеткость и оценочность предмета сознания общественной опасности своих действий (бездействия) лицом, виновным в преступлении¹⁰. Ученый, исходя из посылки, что деяние лица, нарушающего уголовно-правовой запрет, вступает в конфликт с чьим-то интересом и способно причинить какой-либо ущерб этому интересу, предлагает заменить в ст. 25 УК РФ слово «опасность» на слово «значимость»¹¹.

Безусловно, любое действие, нарушающее установленные правовые запреты, представляет опасность не только для потерпевшего, но и для общества в целом, так как человек живет в обществе и является его неотъемлемым элементом. Совершенно справедливо было сказано, что любое преступление, нарушая конкретный интерес, нарушает и интересы общества в целом¹². Прежде всего данное утверждение справедливо в отношении понятия «преступление», закрепленного в ст. 14 УК РФ. В законодательной конструкции преступления как уголовно-правовой категории термин «общественная опасность» занимает логически обоснованное место, так как позволяет глубже определить его сущность и подчеркнуть негативное воздействие на общество. В отношении вины, где доминирует индивидуальность, логически правильным было бы отойти от глобальности осознания негативного проявления преступных деяний для общества.

Поэтому представляется, что ситуация, связанная с трудностями осознания виновным общественной опасности своих преступных дея-

---

⁹ См.: Лунеев В. В. Указ. соч. М., 2000. С. 35.

¹⁰ См.: Векленко С. В. Виновное вменение в уголовном праве : дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2003. С. 219.

¹¹ См.: Там же. С. 220.

¹² См.: Дубовиченко С. В. Указ. соч. С. 76.

ний, не поменяется и при предложенной терминологической вариации «общественная значимость». Как показало анкетирование осужденных, отбывающих наказание в исправительных колониях ДФО, вне рамок их сознания остается общественная опасность, а соответственно и значимость для общества совершенных ими деяний. Только 7,1 % опрошенных осознавали опасность своих деяний для общества, при этом 73,5 % всех опрошенных либо уверенно знали, либо догадывались, что их деяния запрещены законодательством, т. е. являлись противоправными.

При этом категория «противоправность» применительно к конструкции умышленной формы вины не осталась свободной от научной критики. Так, С. В. Склярлов убежден в неприемлемости противоправности в законодательном определении умысла по причине того, что лицо, совершающее преступление, может осознавать, что его действия нарушают нормы не только уголовного, но и других отраслей права либо нормы морали. По его мнению, наилучшим понятием, отражающим всю сущность интеллектуального момента вины, будет осознание нарушения определенных правил поведения¹³. Однако авторский подход к исследуемому понятию также не является безупречным. Думается, что предложенная формулировка слишком широка для ее использования в уголовном праве, так как охватывает правила поведения, которые порой установлены нормами морали, нарушение которых не влечет наложения правовых санкций. Поэтому нет необходимости включать этот элемент в рамки осознания при совершении лицом преступных деяний, тем самым не обоснованно расширять границы уголовно-правового умысла.

Из представленных научных позиций видно, что уголовно-правовая категория «общественная опасность» применительно к формам вины весьма сложна для четкого и единообразного ее понимания. При этом узловым моментом наибольших противоречий является вопрос о соотношении сознания общественной опасности и противоправности.

С учетом этого труднообъяснимым выглядит использование уголовным законом понятия, о содержании которого наука не имеет единого представления. При этом, как уже было сказано, законодательная формула умысла стоит на позиции обязательного осознания лицом, осуществляющим преступное поведение, общественной опасности совершаемого деяния. Одним из объяснений использования законодателем понятия «общественная опасность» в конструкции умышленной вины может служить наличие данного термина в понятии преступления, указанного в ст. 14 УК РФ. Но в этом случае представляется не логичным соотносить в данном контексте понятие вины и понятие преступления, так как вина, хотя и входит как элемент в состав преступления, в то же время имеет метанаучный характер, является элементом и правонарушения, и деликта, и проступка.

---

¹³ См.: Склярлов С. В. Вина и мотивы преступного поведения как основание дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 17–18.

Учитывая, что вина это психическая составляющая, причем индивидуальная, присущая отдельно взятому лицу, совершившему противоправный поступок, то представляется, что в сознании прежде всего будет отражаться противоправность деяний, чем их общественная опасность.

В рамках исследуемого вопроса А. А. Пионтковский определял, что объективная общественная опасность и противоправность соотносятся друг с другом как содержание и форма. А раз так, то «едва ли возможно сознавать содержание – степень общественной опасности, требуемой для признания деяния преступным, и не сознавать правового выражения этого содержания – противоправность деяния в смысле уголовного права»¹⁴. С этим утверждением трудно не согласиться, но осознывая форму, в данном случае противоправность, не всегда в границы этого осознания попадает ее содержание (общественная опасность).

Стойкая привязанность к сознанию общественной опасности в конструкции умышленной вины вполне объяснима определенными обстоятельствами. Во второй половине XX в. в доктрине советского уголовного права прочно укрепилась мысль о презумпции знания нашими гражданами общественно опасного характера умышенно совершенного преступления¹⁵. Презумпция сознания общественной опасности представлялась одной из презумпций, нашедших широкое применение в практике, при этом делался акцент на недопустимость предположения о необходимости со стороны обвинения всякий раз доказывать сознание виновным общественной опасности содеянного¹⁶.

До настоящего времени, как представляется, ситуация коренным образом не изменилась. Несмотря на смену общественно-экономической формации, презумпция «знания общественной опасности нашими гражданами» в уголовном праве России продолжает занимать доминирующее положение, хотя в современной литературе о ней прямых упоминаний не встречается, но аргументы в пользу сохранения термина «общественная опасность» в формуле уголовно-правового умысла построены на ее основе. Не исключение тому и уголовное судопроизводство, где широко распространено использование названной презумпции, и данное обстоятельство находит свое объяснение в удобстве ее для правоприменителя. Но вот целесообразность ее применения, остается вопросом.

В целом же следует сказать, что в последнее время в науке, несмотря на устойчивость позиции сохранения сознания общественной опасности как необходимого признака умышленной вины, все же имеют место взгляды по поводу замены используемого термина. Разумеется, диапазон мнений остается достаточно широким.

Более того, как совершенно справедливо в своем исследовании отметил В. В. Кулыгин, долгое нигилистическое отношение в науке уголовно-

---

¹⁴ Пионтковский А. А. Учение о преступлении. М., 1961. С. 355.

¹⁵ См.: Пионтковский А. А. Курс советского уголовного права. Т. 2. С. 299.

¹⁶ См.: Ковалев М. И. Понятие преступления в советском уголовном праве. Свердловск, 1987. С. 103–104.

го права к проблеме субъективной противоправности привело к практическому забвению на многие годы учения об ошибке¹⁷.

Учитывая приведенные выше доводы о сложности реализации уголовно-правовой конструкции умысла ввиду использования категорий, не способных в полной мере найти отражение в сознании лица, совершившего преступление, представляется правильным отказаться от употребления в описании умышленной формы вины термина «общественная опасность». Наиболее удачным представляется в рамках осознания вести речь о противоправном характере деяний, который подчеркивает отражение в сознании виновного нарушения им установленных правовых правил.

В исследуемом вопросе, как представляется, от лица, нарушившего уголовно-правовой запрет, достаточно осознания противоправности даже в абстрактной форме, т. е. нет необходимости в осознании конкретной нормы какого-либо нормативного правового акта, и даже нет необходимости в осознании конкретной отрасли права, которой установлен запрет на совершение подобных деяний. Данный вывод базируется на презумпции того, что граждане не могут знать всех законов, действующих на территории государства. Именно указанную абстрактность в предлагаемой законодательной формулировке подчеркивает термин «характер».

Деятельность по установлению конкретной правовой нормы, и соотношение ее с деянием, совершенным лицом, есть не что иное, как квалификация, в частности преступления, осуществление которой возложено на соответствующие компетентные органы и лиц, обладающих юридическими познаниями. В условиях осознания лицом противоправности своего деяния задачей правоприменителя является определение формы антиобщественного проступка – преступления или правонарушения.

2020. № 2
266
Более того, смежные отрасли права (ст. 2.2 КоАП РФ, ст. 110 НК РФ), так же как и уголовное право, использующие на законодательном уровне понятие умысла, определяют границы осознания виновным лицом именно противоправным характером.

Предлагаемые изменения законодательной формулировки умышленной формы вины, предполагающие применение термина «противоправный характер» в рамках осознания, безусловно, не могут не отразиться на сущности предвидения, также входящего в структуру интеллектуального содержания умысла.

Действующая в настоящее время редакция ст. 25 УК РФ требует наличия у виновного предвидения наступления общественно опасных последствий. Исходя из вышесказанного, общественная опасность, как правило, не охватывается рамками осознания виновным лицом, так как имеет очень сложную для понимания сущность. В подтверждение тому могут служить результаты проведенного анкетирования осужденных лиц, которые показали, что наступление опасных последствий для об-

---

¹⁷ См.: *Кулыгин В. В.* Субъективное вменение в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993. С. 93.

щества осознавали только 5,9 % опрошенных, наступление опасных последствий для потерпевшего – 26,5 % респондентов, а 42,1 % опрошенных безразлично отнеслись к последствиям, указав, что они их не осознавали.

Соответственно, в условиях замены понятия «общественная опасность» в рамках осознания было бы не логичным оставить его применительно к предвидению в интеллектуальном содержании умышленной формы вины. При тех обстоятельствах, что «осознание общественной опасности» предлагается заменить на «осознание противоправного характера», правильным представляется в предвидении последствий учесть последствия противоправного поведения.

Противоправное поведение в теории права определено как противоречащее господствующим в данных исторических условиях, признанным государством и обществом и юридически закрепленным отношениям людей, причиняющее или способное причинить вред правам и интересам граждан, организаций, государству и обществу¹⁸. Противоправные последствия определяются как социально вредные изменения в охраняемых от них законом объектах¹⁹. Очевидно, прослеживается прямая связь между противоправным поведением и наступлением вреда для чьих-либо прав и интересов как результата этого поведения.

В науке уголовного права одним из вариантов изменения нормы, устанавливающей формулу умысла, было предложено заменить предвидение «наступления общественно опасных последствий» на предвидение «возможности причинения вреда чьим-либо интересам». В качестве обоснования данного предложения было указано, что содержание юридического термина «причинение вреда» распространяется еще и на преступные действия или бездействие, а не только на преступный результат, что немаловажно для преступлений с формальным составом²⁰.

Акцент в предложенной формулировке, как видится, сделан на понятие «вред», который в русском языке понимается как порча, ущерб, убыток²¹. Другими словами, это наступивший результат совершенных преступных деяний. При таких обстоятельствах следует не согласиться с утверждением, что понятием «вред» охватываются помимо преступного результата еще и преступные действия и бездействия. Более того, в предложенной выше формулировке должен предвидеться вред, причиненный чьим-либо интересам, но в то же время необоснованно обходится предвидение вреда, причиненного чьим-либо правам, что не соответствует приведенному выше положению теории права.

---

¹⁸ См.: Общая теория государства и права. Академический курс : в 3 т. Т. 3 / отв. ред. М. Н. Марченко. М., 2001. С. 454.

¹⁹ Элементарные начала общей теории права. URL: https://elementary_law.academic.ru

²⁰ См.: Векленко С. В. Указ. соч. С. 220–221.

²¹ См.: Толковый словарь русского языка. Т. 1 / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935. С. 394; Ефимова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000. Т. 1. С. 254.

Что касается понятия «последствие», то С. И. Ожегов трактует его как следствие чего-нибудь²². Подобные трактовки содержатся и в других толковых словарях русского языка. Думается, что именно данный термин наилучшим образом выражает связь наступившего результата с совершенными деяниями, т. е. делается акцент на причинную связь. В связи с этим исключение термина «последствия» из конструкции умышленной формы вины, представляется нецелесообразным.

Было бы неправильным оставить без внимания еще один момент в формуле умышленной вины – это предвидение именно возможного наступления вредных последствий. Термин «возможность» означает их логическое допущение как результата собственных деяний, что, собственно, не противоречит формуле формального состава преступления, где последствия не обязательны именно для квалификации, но они логически допускаются как предполагаемый итог совершенного деяния. Поэтому представляется наиболее оптимальным с точки зрения психологической теории вины использовать в конструкции умысла следующее выражение: «предвидело возможность наступления вредных последствий своих действий (бездействия)...».

В результате проведенного анализа применения термина «общественная опасность» в законодательной конструкции умышленной формы вины предлагается акцентировать внимание на противоправности и ее последствиях, а нормативное содержание умысла предлагается изложить в следующей редакции: «Преступление признается совершенным ... умыслом, если лицо, его совершившее, осознавало противоправный характер своих действий (бездействия), предвидело возможность наступления вредных последствий своих действий (бездействия)...».

Безусловно, что для более четкого определения понятия умысла, используемого уголовным правом, совершенно не лишним было бы установить законодательное определение самого понятия вины, которое определяло бы границы психологических процессов, происходящих в сознании лица, нарушившего уголовно-правовые запреты, необходимых для доказывания вины в уголовном судопроизводстве. Но аргументация данного предложения требует детального и развернутого исследования, которое не вписывается в рамки настоящей статьи.

²² См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1984. С. 503.

Дальневосточный юридический институт МВД России

Иванов А. Г., кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел

E-mail: grant74@mail.ru

Far-East Legal Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs

Ivanov A. G., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Operational Investigative Activities of Internal Affairs Bodies Department

E-mail: grant74@mail.ru